

Ольга Галахова,
Григорий Заславский

РИШАР МАРТИН — актер, режиссер и руководитель Театра Турски в Марселе. В этом театре по его воле и при непосредственном участии и личном руководстве пятый год подряд проходит Фестиваль русского театра и кино. От прочих подобных форумов он отличается тем, что задуман французом и делается для французской публики. Разговор начался не с фестиваля, а очень издали. За столиком в театральном буфете, который одновременно — и верхнее фойе театра, сидели несколько человек, среди них — Георгий Андгуладзе, сын белого генерала, который родился в Константинополе, но почти всю свою жизнь прожил в Париже. Это человек, о котором можно и, наверное, следовало бы рассказать отдельно. На вопрос, почему отец выучил его русскому, ответил: «Отец был уверен, что мы вернемся». И отец, и он сам очень долго верили, что советская власть — ненадолго. Одним из номеров кабаре-программы театра «Модерн» было пение «Интернационала» (само включение этого номера было предметом долгих внутритеатральных дебатов, пока наконец Ришар не сказал, что ничего страшного в пении «Интернационала» нет). Во время исполнения некоторые зрители, которые все сидели за столиками, начали вслух подпевать. В отличие от многих советских партаппаратчиков они хорошо помнили слова. Андгуладзе, которому понравился и спектакль «Счастливые события», и кабаре в исполнении «Модерна», этот номер прокомментировал потом: «Первый раз около меня пели «Интернационал»... Но это друзья, они могут. В организации фестиваля он принимает самое живое участие, с готовностью соглашается «по-

где живут люди с небольшим достатком. Совершенно очевидно, что сюда труднее звать одного зрителя, чем выпустить 50 в театр, расположенный в местах обитания элиты. Нам хочется, чтобы в театр приходили люди разных слоев и разных политических взглядов, и поэтому у нас особая политика цен на билеты. Те, кто получает меньше пособия по безработице и находятся у черты бедности, платят по 10 франков. Столько же — еще не нашедшие работу молодые люди. Им нужно помочь. А руководитель предприятия или банкир платит 170 франков.

— Как же вы узнаете, кто есть кто?

— Мы доверяем людям. Вообще-то у нас разработана целая схема. Если ты студент, если ты покупаешь абонемент на сезон или на фестиваль или если ты покупаешь разовый билет...

— Но кто в итоге сюда приходит: те, кто любит русский театр, или же есть какой-то круг постоянных посетителей Театра Турски?

— В итоге те, кто мне доверяет. Когда мы начинали эту авантюру пять лет назад, трудно было ожидать такой успех. Меня принимали за сумасшедшего, говорили: сюда вообще собрать публику трудно, даже на французский спектакль, зачем тебе еще какие-то трудности?

Вообще-то Театр Турски мало на что похож. Сюда можно, например, прийти с собакой... У Лео Ферре есть песня, которая так и называется «Собака»: «Я болтаю и кричу, как собака, и поэтому я скорее собака...» В этой песне он перефразирует Бакунина... Я очень рад, что у меня появилась вдруг возможность включить в свои рассуждения идеи Лео Ферре. Одна из моих заветных идей — найти в России поэта, который сумеет адекватно перевести стихи Лео Ферре. Вообще-то у меня много разных планов, которые часто планами и остаются.

чему-то не поддержали, хотя в нем были собраны такие богатства, что он бы мог обеспечивать все культурные потребности большого города. В той команде работали Антуан Витез, Мишель Фронтен, Моно, Виаль... Благодаря тому что театр развалился, те города, куда разъехались эти люди, здорово обогатились.

Когда я приехал, их уже не было. И я обосновался в их помещении. Самое интересное заключается в том, что Витез начинал там же, где и я начинал, а закончил свою работу в Марселе там, где я сейчас.

— А других театров в Марселе не было?

— Стационарного? Таких, где бы ежедневные шли спектакли, нет. Были какие-то места, куда могли приехать время от времени парижские театры. Я открыл маленький театр на 200 мест, это была моя частная авантюра, и в течение целого года каждый день, кроме воскресенья, играл «Записки сумасшедшего». В постановке Тани Сурцовой, моей тогдашней жены. Долгое время это был единственный такой театр в Марселе.

— Ваша жена — русская?

— Она — дочь русского эмигранта, а в Париже работала в Комеди Франсез.

— Но у вас были какие-то отношения с официальными властями?

— Был единственный случай, как раз вскоре после моего приезда, когда в Марсель прибыл один режиссер, Антуан Бурсье, которого послали на юг Франции в рамках официальной министерской программы... Но он был художником, несмотря на свою официальную миссию. И человеком авангарда — до своего приезда в Марсель он на Монпарнасе руководил известным в Париже Карманным театром.

Он поддержал меня в моей марсельской авантюре. Больше я никогда не вступал ни в какие контакты с людьми, которых присылало Министерство культу-

ИЗ СТОЛИЦЫ — В ПРОВИНЦИЮ

Независимая
газета. — 2000. —
11 апр. —
— с. 7

Ришар Мартин пятый год устраивает в Марселе Фестиваль русского театра и кино

работать» переводчиком, а при необходимости — и шофером, если нужно кого-то отвезти. Сразу же после знакомства зовет новых друзей в свой гостеприимный русский дом (в котором в это самое время уже живут русские художники и уже много других людей) — с иконами, самоварами и всем тем, что мы привыкли «совмещать» с понятием эмигрантского уюта.

Кто-то вспомнил, что сегодня — Благовещение. Ришар сказал: «Я в это не верю. Не верю, что есть потусторонний мир и потому обещанное братство в той жизни стараясь воплотить в этой. Если кто-нибудь мне подарит неожиданное будущее и другую жизнь, я, конечно, приму этот подарок с большой радостью. Но предпочитаю реальную сегодняшнюю жизнь. Я люблю предпочитать немедлен-»

— Ришар, как случилось, что в Марселе появился Фестиваль русского театра?

— Я просто поехал в Каир как член жюри тамошнего фестиваля. Увидел спектакль Сергея Арцибашева «Месяц в деревне». Я увидел замечательных актеров, их энтузиазм, актеры вселили это вдохновение в меня. Я не понимал ни слова по-русски, но благодаря актерам сумел, как мне кажется, полностью вникнуть в это произведение. И мне захотелось сделать такой фестиваль.

— А чем вы руководствуетесь при отборе спектаклей?

— Может быть, я не всегда отбираю то, что нравится публике в России. Но я знаю вкусы моей публики, и так как я заинтересован, чтобы публика сюда приходила как можно более многослойная, я понял, что приглашать нужно те спектакли, которые могут зацепить.

— А что вас зацепило в спектакле Светланы Враговой?

— Наверное, это отточенность и тонкость мышления, своеобразный подход к абсурду, к иррациональному. Иррациональность у нее остается абсолютно человеческой. При этом она пронизательна. Учитывая этот аспект ее личности, я думаю, она должна, и нередко, оставаться в некоем изгнании, в изоляции.

— Ришар, вы так часто целуетесь, проходя через буфет или фойе своего театра, что уже и не понять, друзья ли это только или кто-то приходит сюда по билетам?

— Еще три года назад в Театр Турски в основном приходили друзья, которые, конечно, не платили. С тех пор мы несколько изменили тактику и, в частности, объяснили друзьям, что если они настоящие друзья, то они должны помогать театру. Обычно перед спектаклем меня пречат, и это решает все проблемы. Моя стратегия и мое желание заключается как раз в том, чтобы как можно больше отдавать денег, тратить их на то, чтобы люди шли сюда — как это было, кстати, у греков.

Заниматься всем этим непросто, поскольку Театр Турски находится в неэлитарном районе,

я. Или — мечтами. Я, например, мечтаю поставить спектакль, который будет называться «Пятый русский сезон». Достаточно сумасшедшая идея: почти без слов, только стихи. Хочу еще снять фильм, где будут играть русские и французские актеры. И сейчас с Рустамом Ибрагимбековым мы работаем над сценарием. Съемки должны будут начаться в Чкаловске, рядом с Нижним Новгородом, а завершатся в Марселе. Я точно знаю, что там будут играть Сергей Арцибашев, Наталья Гребенкина и Валерий Магдьяш.

— Труден ли для вас был отъезд из Парижа и чем труден для вас театральные Марсель?

— Я — дикий житель Средиземноморья. Я женился на берегу Средиземного моря. Но в молодости меня все убеждали в том, что я смогу заниматься театральным ремеслом только в столице. Я последовал советам, поехал в Париж. Работал актером, и мне было очень жаль, что рядом с Эйфелевой башней не было Средиземного моря. Через несколько лет жизни в Париже я начал задумываться о том, что же такое работа художника. Должен ли художник быть социально ангажированным, какова его роль в общественной жизни? Все эти размышления привели меня к 68-му году. Во время событий 68-го года мы все были убеждены, что рождаются новое искусство и новое братство художников и это братство поможет нам изменить жизнь. Когда же наше движение провалилось (и этот провал был связан некоторым образом с французскими коммунистами), мы почувствовали себя сиротами. Наши собратья, только что говорившие, что вот-вот мы сможем сделать завтрашний день иным и изменим все наше будущее, тут же вывернули свои куртки наизнанку и встали на сторону сильных. Парижская атмосфера стала для меня совершенно невыносимой. Полицейские в Париже в то время стояли на каждом углу (а я всю жизнь ненавидел полицию), и я понял, что, наверное, смогу заниматься своей профессией где угодно. И почему же тогда не на берегу Средиземного моря? Я не поехал в Ниццу, поскольку атмосфера в Ницце мне тоже была неприятна, так как в Ниццу приезжают обычно очень богатые люди, чтобы умереть на солнце.

И я выбрал Марсель, чтобы сделать здесь что-то свое, отличное от других. Потому что Марсель — это не город, это — страна, где все люди, потерявшие корни, могут найти семью и обрести некоторую самостоятельность. В Марселе они обретают собственное лицо. В этом городе встречаются, перекрещиваются, соединяются, гармонизируются все национальности, расы, убеждения и состояния. И приехал сюда в 69-м.

— Здесь уже был какой-то театр?

— Да, он назывался повседневным театром, но исчез как раз незадолго до моего приезда. Его по-

ры. Во Франции, на мой взгляд, министерские чиновники очень далеки от подлинных интересов художников. Я бы, может, и хотел встретить понимающих чиновников, — как я встретился в свое время, когда только рождался фестиваль, в Москве с тогдашним заместителем министра культуры Константином Шербаковым... Думаю, что фестиваль бы и не состоялся, если бы Шербаков тогда не выслушал нас внимательно и не понял бы нас.

— А как появился Театр Турски?

— Когда я поработал в своем маленьком театре на 200 мест, я задумался о том, что нужно создать большой театр в каком-нибудь рабочем квартале. И появился этот театр, в котором около 1000 мест. Когда я впервые сюда вошел, здесь был большой ангар, который усилиями города и моими собственными превратился в театр. Когда 30 лет назад я играл «Записки сумасшедшего», бывало, что я играл один на один с одним-единственным зрителем, а в этом театре случается, что мы отказываем кому-то, поскольку нет свободных мест. Мы часто работаем в партнерстве с теми, кого можно назвать легендами уходящего века, — здесь выступали Кантор, Хайнер Мюллер, Стефан Брауншвейг, Лангхофф, Владислав Знорко, Клод Режи... Мы создали Ассоциацию театров стран Средиземноморья. 30 лет назад в газетах называли Марсель культурной пустыней. С тех пор, как видите, все изменилось, и я мечтаю, чтобы Марсель стал одной из театральных столиц. Я уверен, что великие театральные авантюры возможны лишь тогда, когда перемешаются все интересные маленькие и большие театральные авантюры.

— Скажите, актуальны ли для вас сегодня те, кто был вашим кумиром в 60-е?

— Нет. Никто... В то время я восхищался театром Антуана. Мне казалось, что его поиски новых театральных форм совпадают с моими. Но это было иллюзией. Сюда я приехал, может быть, из-за Вилара. Но скоро я понял, что Народный театр Вилара — театр для учителей, а не для народа... Пожалуй, один Маяковский, к которому я продолжаю относиться с восхищением, поскольку он открыл мне путь к новым формам.

— А что вы любите у Маяковского?

— Больше всего — поэму 16-го года «Человек». И я мечтаю прочитать ее по-русски.

— Как раз там Маяковский «находит» улицу собственного имени...

— Ну да. А мой театр носит имя Турски — поэта польского происхождения, который жил в Марселе и умер, когда я переехал в это здание. А улица, на которой находится театр, носит имя другого поэта, Лео Ферре... Когда-нибудь вы увидите где-нибудь поблизости и улицу Маяковского.

Марсель — Москва